



Песенка серебряного цветка

7 минут чтения

TuckBook

— Тимофей, смотри! — шепнула Уля и присела у круглой клумбы. Между зелёными листьями прятался бутон, похожий на маленький серебряный колокольчик. Его гладкие лепестки были плотно сомкнуты, словно цветок тоже ждал полуночи. Девочка держала стеклянный ночной свет, а рядом важно сопел старый ёжик-сторож. Его колючки блестели, будто в них застряли крошечные звёзды.

Бабушка поставила ночной свет Уле в руки и напомнила: цветок распустится только глубокой ночью, когда над садом появятся самые яркие звёзды. — Берегите его от дождя, если он вдруг начнётся, — добавила она. Бабушка оставалась на веранде с открытой дверью и обещала поглядывать на своих ночных караульчиков. Уля сунула ночной свет в плетёную корзинку, а Тимофей уселся возле клумбы, вытянув нос к бутону.



— Я хочу услышать песенку лета, — сказала Уля. — Не просто рассказ о ней, а настоящую. С нотами! Она даже наклонилась к бутону, будто надеялась услышать репетицию. — Тогда караулим до конца, — ответил Тимофей. Он говорил хрипловато, потому что однажды проглотил сухой лист и потом целый день икал. — Ни сон, ни темнота, ни дождь нас не собьют.

Сначала сад был похож на знакомую картинку: дорожка, грядки, яблоня и бочка у сарая. Но ночной свет освещал только круг возле ног, а всё за этим кругом становилось густым и чёрным. Из кустов донёсся шорох. Уля крепче взялась за корзинку. Тимофей поднял иголки дыбом и прошептал: — Если это чудовище, пусть сначала предъявит усы.



Шорох приблизился. Тимофей медленно двинулся вперёд, а Уля направила ночной свет на листья. В свете показалась большая капля, скатившаяся с лопуха. Она упала на землю с таким «кап», будто кто-то поставил точку в очень важном письме. Уля рассмеялась, и темнота сразу стала меньше. Над крышей показалась первая звезда, но серебряный бутон даже не шелохнулся.

Тогда с неба упала ещё одна капля. Потом третья. Тимофей понюхал воздух и нахмурился. — Это не капли, это целая мокрая армия, — сказал он. Дождь быстро застучал по листьям. Уля закрыла корзинку крышкой, чтобы ночной свет не погас, и прикрыла клумбу широким листом лопуха. Но ветер вырвал лист, покрутил его над дорожкой и бросил в пустую бочку.

— Нужно укрытие, — решил Тимофей. — Под старой липой есть дупло у самой земли. Оно сухое, я проверял в позапрошлом году, когда прятался от града и собственной тени. Уля взяла корзинку, прижала крышку ладонью, а Тимофей побежал рядом, короткими смешными шажками. Дождь хлестал по дорожке, зато ночной свет оставлял перед ними золотистые лужицы, в которых дрожали ветки.

Старая липа выросла у края сада. Её толстые корни выгнули землю, а между ними действительно нашлось глубокое сухое место. Уля забралась туда первой и поставила корзинку рядом. Тимофей протиснулся следом, зацепился колючками за кору и от неожиданности сказал: — Я не застрял. Я просто стал частью дерева. Уля осторожно освободила его, и ёжик сел, прижавшись боком к её сапогу.

В дупле было темно, но ночной свет не погас. За корнями шумел дождь, с веток срывались тяжёлые капли, а между облаками иногда выглядывали звёзды. Чтобы не слушать, как громко стучит её сердце, Уля рассказала, как однажды перепутала банку с вареньем и банку с краской. Тимофей хмыкнул и ответил историей о воробье, который три дня носил в клюве пуговицу, уверенный, что это лунное семечко.

Потом Тимофей рассказал, как в первую свою ночь-сторожку боялся каждого куста. Он придумал считать звуки: кап — одна капля, шорох — лист, скрип — ветка. Уля стала считать вместе с ним. Скоро они слышали не только дождь, но и сонное посапывание сада, плеск воды в бочке, редкое «тик» ночного света. Страх не исчез совсем, однако теперь у него было меньше места.



Вдруг под корнями блеснул тонкий ручеёк. Дождевая вода побежала прямо к клумбе, смывая землю с серебряного бутона. Уля выглянула из укрытия. Бабушка стояла на веранде и махала ей рукой, показывая, что видит происходящее. — Я останусь рядом, — сказала Уля. — А мы с Тимофеем спасём цветок. Она достала из корзинки ночной свет и деревянную садовую лопаточку, которую бабушка дала ей заранее.



Уля и Тимофей вышли из-под липы. Тимофей лапками отодвигал мелкие камешки, а Уля лопаточкой прорыла в земле боковую канавку. Ручеек свернул к пустой бочке и зазвенел там, как тонкая струна. Последнюю преграду — корешок сорной травы — Уля подцепила лопаточкой и вытянула. Вода обогнула клумбу. Тимофей стряхнул каплю с носа и сказал: — Теперь дождь работает на нас.

Облака разошлись. На мокрых листьях загорелись звёзды, а ночной свет лег золотым кругом возле серебряного цветка. Бутон дрогнул, развернул один лепесток, второй, третий. Изнутри поднялся тонкий звон: «динь-динь, ля-ля, кап-кап». Цветок распустился целиком и запел песенку лета — про тёплую землю, дождевые капли и солнце, которое обязательно возвращается. Уля замерла, а Тимофей от восторга чихнул так громко, что песенка на миг стала похожа на «динь-динь, апчхи!»



Потом цветок допел последнюю ноту, и она спряталась в капле на его серебряном лепестке. Уля осторожно вернула ночной свет в корзинку, чтобы стекло не намокло снова. Тимофей проверил канавку, клумбу и даже пустую бочку, где теперь плескалась маленькая лужа. Бабушка вышла на дорожку с двумя полотенцами и укутала мокрые плечи Ули и колючую спину ёжика. Никто не торопился говорить: в саду ещё долго звенели последние невидимые ноты.

Спокойной ночи.

Создано с любовью в TuckBook
tuckbook.app